

— Ссс! — Чжан Шэнчунь невольно потер руку, по которой пробежали мурашки. — А как ты тогда вернулся домой?

Чжан Хэшань замолчал, а потом ответил:

— Я был поглощен теми тварями, а потом обнаружил, что у каждого из этих уродливых существ мое лицо. Все эти лица — знакомые или виденные лишь мельком — выкрикивали мое имя. Тварей было слишком много, порой на десятках из них было одно и то же лицо. Чем лучше я знал человека, тем больше таких лиц появлялось, и в конце концов я внезапно понял, что сам превратился в одну из них. Глядя на свое отражение в фасеточных глазах насекомых, я вдруг осознал: никакого Чжан Хэшаня не существует, я просто одна из здешних тварей. Приняв этот факт, я постепенно утратил сознание, а очнулся уже у порога собственного дома.

Чжан Шэнчунь, даже просто слушая, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Можно было лишь догадываться, какой ужас пришлось пережить Чжан Хэшаню.

— Звучит как ночной кошмар, — заметил он.

Голос Чжан Хэшаня прозвучал сухо:

— Я тоже думал об этом, но... все было слишком реально. — Он закатал рукав, и Су Синцзэ с остальными увидели на его руке густую сеть ран от укусов. — Это следы от тех ядовитых змей, в которых превращались деревья. Эти раны настоящие, это был не сон. Определенно не сон.

Глядя на раны, Чжан Шэнчунь уже не мог просто сказать, что это был лишь кошмар.

— Дяди и старейшины наверняка отправятся на заднюю гору, чтобы выяснить, что там происходит. Хэшань, ты не должен поддаваться страху. Змеиные укусы реальны, но это не значит, что и твое видение было правдой. Возможно, ты отравился змеиным ядом, и все это — лишь галлюцинация.

Чжан Шэнлинь, опустив голову, смотрел на раны на руке Чжан Хэшаня. У маленького Жэньюя есть чешуя и хвост, у змей — тоже. Неужели это маленький Жэньюй приказал змеям покусать его?

— Хлоп!

Маленький Жэньюй рядом шлепнул его по бедру. Чжан Шэнлинь искоса взглянул на него, немым вопросом требуя объяснений.

Су Синцзэ улыбнулся, но глаза его остались холодными:

— Мне все кажется, что ты думаешь о чем-то не слишком вежливом.

Чжан Шэнлинь промолчал, не в силах оправдаться. Его реакция сказала сама за себя, и Су Синцзэ сердито уставился на него. С момента заключения контракта между ними возникла

незримая связь, позволявшая обоим смутно чувствовать мысли друг друга. Контракт был двусторонним — Су Синцзэ адаптировал его из тех системных договоров, с которыми имел дело в прошлом. Эта связь была пассивной: чем больше доверия между сторонами, тем она сильнее, и наоборот. Именно поэтому Чжан Шэнлинь все больше доверял маленькому Жэньюю.

Рассказав о той ужасной ночи, Чжан Хэшань заметно приободрился, или, возможно, он сам склонился к версии Чжан Шэнчуня о галлюцинации. В этот момент вошла Чжан Шэнсюэ с дымящимся чаем.

— Ну, как поболтали? — спросила она.

Су Синцзэ смотрел на ее неестественно спокойное лицо. Казалось, она стояла за дверью уже давно и вошла только тогда, когда Чжан Хэшань закончил свой рассказ. Все члены клана Чжан — прирожденные актеры, подумал Су Синцзэ.

Чжан Шэнсюэ разлила чай каждому, не обойдя вниманием даже своего племянника, забившегося в угол кровати. Она поставила чашку и свежую выпечку на столик у изголовья и серьезно сказала:

— Хэшань, наше наследие клана Чжан предопределяет, что нам придется иметь дело с подобными вещами. Для тебя, столкнувшегося с этим впервые, это может казаться пугающим, но как потомка клана Чжан, это твоя судьба.

Чжан Хэшань побледнел и кивнул:

— Тетушка, я понимаю.

Чжан Шэнсюэ погладила его по голове — она не делала этого с тех пор, как ему исполнилось два года. Члены клана Чжан выросли рано, и хотя они не рождались всезнающими, самосознание у них формировалось очень быстро.

— Поговори с другом, не забивай себе голову лишним, — добавила она.

Пока тетя с племянником общались, Су Синцзэ попивал чай из своей чашки, попутно напоминая ребенку тоже пить. Хотя это называлось чаем, на деле был целебный отвар из десятков трав, укрепляющих дух и тело, но вместо горечи он имел необычайно чистый и сладкий вкус. Су Синцзэ, будучи в своей форме, тоже мог чувствовать этот вкус. Ребенку полезно пить его побольше — как раз для укрепления организма.

Они не стали долго задерживаться у Чжан Хэшаня: ребенок был с ним не особо близок, и весь разговор вели Чжан Шэнчунь с племянником. Когда время вышло, Чжан Шэнчунь попрощался. Их пути разошлись, и они расстались у ворот.

Как только они остались вдвоем, Су Синцзэ заметил, что ребенок заметно расслабился. Он принял свою истинную форму Жэньюя и, уменьшившись, перелетел на плечо ребенка, чтобы

немного отдохнуть.

— С Чжан Хэшанем все будет в порядке? — спросил ребенок. Его не особо волновала судьба Хэшаня, но он боялся, что из-за этого случая кто-то может обнаружить маленького Жэньюя.

Су Синцзэ как раз заплетал косичку из отросших волос ребенка. Услышав вопрос, он решил, что тот беспокоится за соплеменника, и зло дернул его за волосы. Услышав болезненный вскрик, он ослабил хватку, но не стал отрицать, что это его рук дело:

— Разве не сказали, что это галлюцинация? Он сам трусоват, от испуга его жизненная энергия рассеялась, отлежится пару дней — и все пройдет. К тому же, с тем количеством целебных отваров, что ему приготовили домочадцы, возможно, завтра ты уже увидишь его на занятиях.

Вспомнив о следах от укусов на руках Чжан Хэшаня, ребенок недоуменно переспросил:

— Галлюцинация?

— Именно. Просто довольно странная и опасная. — В конце концов, он сам был порождением странного, так что ничего удивительного в том, что его галлюцинации такие же. — Маленький Цилян, — Су Синцзэ огляделся, — это не тот ли дом, где ты в прошлый раз менял вещи?

Неужели ребенок снова пришел за лекарствами? Ребенок коротко ответил утвердительно и вошел во двор. Там по-прежнему дежурил человек, но уже другой. Ребенок подошел к нему и назвал свое имя:

— Чжан Шэнлинь, три месяца.

Чжан осмотрел ребенка, вошел в дом, а вернувшись, передал ему сверток и небольшой кошелек с деньгами. По дороге домой Су Синцзэ, пользуясь своими маленькими размерами, тщательно осмотрел содержимое свертка.

— Одежда, целых три комплекта! Ваш клан еще и одежду выдает? Качество неплохое, есть даже зимний наряд, куда лучше того, что на тебе сейчас. — Он прикинул даты и озадаченно добавил: — Ни праздников, ничего, с чего бы тебе дарить новую одежду?

Ребенок всегда отвечал на вопросы Су Синцзэ.

— Это положенная доля от клана. Сироты клана Чжан каждый месяц получают содержание, а раз в год — три новых комплекта одежды. Так будет до тех пор, пока нас не выпустят на «дикую охоту», после которой придется обеспечивать себя самим.

— Содержание? — Су Синцзэ был удивлен. Он не ожидал, что этот жестокий к своим детям клан так неплохо заботится о сиротах.